

Валерий ГЕРГИЕВ, художественный руководитель Мариинского театра:

Я не хотел копировать Штутгарт, Мюнхен или Байройт

— Привезти русское «Кольцо» в Германию — довольно рискованная идея. Чья она была?

— Баден-баденского театра. Во-первых, я его открывал в 1998 году. С тем самым Оркестром мира, который был в Москве. Этот оркестр создал Шолти. И после смерти Шолти я его собираю раз в два года. Туда входят музыканты из 60—70 самых лучших оркестров: Вены, Берлина, Чикаго. Естественно, туда попадает и все больше наших игроков. И вот таким оркестром мы открывали театр. Вся Германия была на этом открытии. Но уже в 1999 году с этим театром случился финансовый крах. У них был долг 10 миллионов марок. Их просто закрывали. Представляете, закрыть Мариинский театр, потому что он влез в долги? И в такой ситуации мы им помогли. Я лично собирал своих американских друзей. И наш театр — это звучит очень смешно: в 1999 году, после кризиса, — просто списал им миллион марок.

— Да вы что!

— Это было мое решение. Иначе они бы закрылись. В тот год мы дали уменьшенный состав в «Игроке» и выступили бесплатно. Суточные только платили. Мы это сделали, чтобы показать и немцам, и всей Европе, что мы в одном мире живем. Когда у нас проблемы — нам помогают. Потом мы можем помочь. И теперь этот театр на коне. Мы уже 4 года назад решили показать здесь вагнеровский цикл. Мы начинали работать над ним с режиссером Йоханнесом Шаафом. Вопреки тому, что пишут, никто ни на кого не обижался. Мы по-прежнему друзья. Просто у меня возникло ощущение, что я не хочу типично немецкой постановки. Я не хотел копировать Штутгарт, Мюнхен или Байройт — при всем к ним уважении. Мы сделали сами свой цикл. И то, что поют в нем только наши, а не приглашенные, — это тоже правильный шаг.

— Это первый выезд русского Вагнера за рубеж?

— Пару лет назад мы уже показывали здесь, в Баден-Бадене, «Лоэнгрин». Но симфонического Вагнера и Малера я играю постоянно по всему миру. Это уже воспринимается совершенно нормально. Это, знаете, можно сравнить с футболом. Совершенно не важно, «Реал» — испанский клуб или, скажем, итальянский. Он играет по мировым правилам. И соревнуется с лучшими клубами мира. Это немножко другое, чем выиграть национальный чемпионат. Извините, что я так в спорт свернул, но это совершенно точно характеризует ситуацию. Нас сегодня не просят немножко похуже петь, потому что русские, мол, должны петь похуже. Никто не скажет: «Русским можно, они же русские». Мы недавно открывали сезон в Карнеги-холл. Лет десять назад об этом невозможно было подумать. С тех пор как этот зал 100 лет назад открыл Петр Ильич, для открытия сезонов здесь выбираются самые лучшие оркестры. Либо Венский, либо Берлинский. А теперь еще — либо Кировский. Так что это игра по мировым правилам, игра в межконтинентальной лиге. Мы вышли на этот уровень, где, с одной стороны, больше почета, с другой — гораздо жестче будут бить, если что не так. Меня могут, конечно, спросить: «Что вы о себе возомнили — Вагнера играть? У вас хоть есть для этого валторнист?» Да, есть. Вот увидите, как он будет играть в «Зигфриде»! Таких валторнистов в мире еще поискать!

— Кажется, и оркестр, и певцы здесь в лучшей форме, чем дома.

— Знаете, когда репетируешь целый месяц каждый день подряд... Это, в принципе, нормальные условия. В Питере всегда очень сложно выпускать спектакль. У нас ведь сцена стеснена. Нет технического пространства. Все всегда у нас горит, все в последний момент переделываем. Обычная история. А здесь сейчас ребята даже отдохнуть иногда могут. Хотя в декабре у нас в день спектакля еще и прогоны были. 10 часов в день дирижировать — это даже по моим меркам многовато. Я заболел после того цикла. Десять дней лежал с гриппом, заразил всю семью. Наверное, нагрузка меня подорвала.

— Подобные гастроли — дорогостоящая вещь. Кто берет на себя расходы?

— И немецкая сторона, и спонсоры этой постановки — «Даймлер Крайслер». Ну и наши — у нас все-таки очень хорошие отношения с «Газпромом». Он нам дает ту общую поддержку, которая позволяет безо всякого риска гастролировать по всему миру. «Кольцо» — дорогостоящая, конечно, акция. Но мы понимаем, что российская экономика сейчас гораздо сильнее, чем 5 лет назад. Мне кажется, стыдно сейчас говорить о том, что у нас трудная страна, проблемы и все нам должны помогать на Западе. Я, собственно, и раньше так не думал. А сейчас об этом говорить смешно. Уже богатые русские покупают аристократические футбольные клубы!

— В Москву-то «Кольцо» доедет?

— Думаю, надо привезти.

— На «Маску»?

— Мы идем по планированию на три года впереди «Маски». Я не могу из-за нее остановить сезон. Мы так боролись за то, чтобы спланировать три сезона сразу. И вдруг «Маска» выдвигает какой-то наш спектакль и говорит: подайте Нетребко, или Бородину, или Абдразакову. Есть вещи, которые я могу сделать (а я многое могу сделать). И есть вещи, которые просто сделать невозможно. Я предложил посмотреть юри «Кольцо» в Баден-Бадене. Я сказал, что постараюсь найти билеты.

НИКИТА РЫБАКОВ

Вот все, что я мог предложить. А отменять Баден-Баден, отменять фестиваль балета, отменять мои гастроли в Мет или гастроли Мариинского театра в Испании я не могу. Я в свое время сделал все возможное, чтобы поддержать становление «Золотой маски». Но сейчас — при всем к ней уважении — у Мариинского театра совершенно другие задачи. Меня, например, в настоящее время очень интересует, как выступить в российских регионах. Я обещал: в ближайшие 5 лет мы сделаем все, чтобы выступить во всех 89 регионах России. Для Мариинского театра сегодня приезд в Стокгольм или в Гамбург так же важен, как приезд во Владивосток или в Новосибирск. Я об этом говорил не раз. Но сейчас я уже объявил об этом на определенном уровне. И если Большая оперетта нашему примеру, это тоже будет правильно.

— Ближайший выезд в российскую глубинку у вас, насколько я знаю, намечен в рамках «Пасхального фестиваля»?

— Да, первые два фестиваля мы провели в Москве. Но уже тогда знали, что он выйдет за рамки Москвы. Я позвонил Башмету, сказал: «Юр, ты выступишь в Рязани». «Как это?» — «А вот так. Со своим оркестром. А потом уже мы, как всегда, выступим с тобой в Москве». А я, скажем, поеду или в Нижний Новгород, или в Великий Новгород, или в Ярославль, или в Кострому. С огромным удовольствием. Если я увижу, что там это никому не нужно, — всё, второй раз мы туда не поедим. Но я почему-то думаю, что найдутся люди, которые будут нам очень рады.